

Таким образом, иранская традиция, сохранившаяся значительно хуже, все же по ряду позиций стоит в одном ряду с древнеиндийской, а многие элементы должны иметь общеиндоевропейское происхождение, ибо зафиксированы также в нуристанской, древнегреческой и иных традициях.

Итак, символика этих погребений состоит из сочетания нескольких слоев верований. К представлению о золоте как символе социального и общественного статуса присоединяются другие, связанные с тем, что золото представляет внутреннюю, божественную сущность знатного погребенного, которая остается после исчезновения земного олицетворения.

Именно в этой связи можно рассматривать помещение головы покойника в могиле в золотом или серебряном сосуде⁶⁶ — это должно было обеспечивать безусловное возрождение или более высокую (полную) степень такого возрождения отдельных социально маркированных покойников. Вероятно, той же цели служили и помещаемые в той или иной части могилы сосуды из золота (серебра), а также золотая корона (венец).

⁶⁶ Во многих мифологических традициях, говоря словами С. Ю. Неклюдова, «...в оппозиции „золото/серебро” не только правый член является слабоакцентированным, но и само противопоставление может остаться совершенно невыраженным, передавая идею не контраста, а повтора с вариацией» (Неклюдов С. Ю. Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота — *Etnografia Polska*, Т. XXIV, з. 1, Warszawa, 1980, p. 91).

А. Н. Кожановский

ИСПАНИЯ: НОВЫЙ ЭТАП ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В Испании во второй половине 70-х годов произошли события, резко изменившие направленность ее внутривосточного развития и непосредственно затронувшие национальный вопрос в стране. Не случайно столь большое значение придается здесь сейчас предоставлению автономии отдельным регионам. Связь между политическим статусом территории проживания той или иной этнической общности и обликом этой общности достаточно очевидна. Признание самобытности данной группы, ее права на защиту и культивирование своих специфических черт (в том числе языка или диалекта), в том случае, когда это отвечает устремлениям самих членов группы, ведет к ее сохранению и консолидации. Напротив, весьма существенный ущерб наносит этнической группе противоположное отношение, получившее в той же Испании, в сравнительно недавнем прошлом, свое выражение в декларировании существования «единой испанской нации», в частности оправдывавшем политику насильственной ассимиляции в отношении «малых народов» этой страны. И все же политический статус обычно оказывает свое действие лишь как одна из составляющих в сложном комплексе причин, определяющих общую тенденцию этнического развития, причем эта тенденция может не совпадать с направлением действия «политического фактора» и даже быть противоположной ему. Примерно такая ситуация сложилась в Испании в годы существования франкистского режима.

Резкое ухудшение экономического положения Испании во второй половине 50-х годов вынудило ее тогдашнее правительство изменить направленность внутренней политики. Началась перестройка экономики по «классическому» капиталистическому образцу, с тем, чтобы сделать

рыночные отношения основным фактором решения экономических задач¹. «План стабилизации экономики», принятый в 1959 г., предусматривал отмену государственного контроля над хозяйственной деятельностью всех видов, ценами, заработной платой и т. д. Лозунгом дня стала рационализация производства. В промышленности происходило обновление основного капитала; улучшение технологии производства и ввоз современного оборудования из-за рубежа способствовали повышению производительности труда. Вместе с тем закрывалось множество мелких и средних предприятий, оказавшихся нерентабельными.

Ускоренный процесс индустриализации экономики в 60-е годы привел к тому, что уже к началу следующего десятилетия Испания вошла в число экономически развитых капиталистических стран², оказавшись, в частности, в первой десятке производителей автомобилей, судов, атомной энергии³ и т. д.

Но поистине беспримерным для практики франкистов стало их решение отказаться от поддержки мелкокрестьянского землевладения, с его архаичной организацией труда и отсталой техникой, на протяжении столетий бывшего одной из наиболее характерных черт традиционной социально-экономической структуры в деревне. С этой целью была отменена такая искусственная ограничительная мера, как установление государством закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию на уровне рентабельности наименее эффективных хозяйств; напротив, власти начали поощрять тенденцию к концентрации земли; и по одному из новых законов — «о минимальных наделах» — крестьян, участки которых были менее установленных законом размеров, обязывали передать их за определенное вознаграждение более крупным землевладельцам⁴. Остальные крестьяне были поставлены перед необходимостью конкурировать с крупными землевладельцами, использовавшими в производстве машины и механизмы.

Капиталистическая «рационализация» в сельском хозяйстве привела к быстрому численному росту категории «лишних людей» из числа мелких хозяев, экономическое положение которых вынуждало их к отказу от прежних форм деятельности. За 10 лет, с 1960 по 1970 г., сельское хозяйство потеряло около 2 млн. человек активного населения⁵, если же добавить к ним членов семей, цифры будут еще более впечатляющими. Так, по одному из источников, на протяжении всего двух лет (1964 и 1965 гг.) деревню покинули 950 тыс. человек⁶.

С учетом того, что в конце 40-х годов в испанской деревне было сосредоточено 4,8 млн. человек активного населения, миграции 60-х годов могут быть признаны огромными, даже невиданными в истории Испании. Но ведь и раньше здесь имелись «лишние люди». Обычным был отъезд в страны Америки сыновей галисийских, астурийских или баскских крестьян, которые не попадали в число наследников и отправлялись искать счастья на чужбину. Те из них, кому удавалось накопить какую-то сумму, возвращались домой и с помощью сколоченных средств либо покупали участок земли, либо женились на наследнице крестьянина-землевладельца и таким образом добивались желаемого положения хозяина-собственника (такие удачливые возвращенцы получили прозвище «индейцы»). Крестьянские миграции этого рода, — а они были характерны и для 40—50-х годов, — имели вполне «традиционный» облик, т. е. не затрагивали существующую сельскохозяйственную структуру. Напротив, они являлись ее необходимой составной частью, клапаном,

¹ Испания, 1918—1972 гг. М.: Наука, 1972, с. 383.

² Развитые капиталистические страны. Социально-экономический справочник. М., 1979, с. 299.

³ J. Maestre Alfonso. J. Modernización y cambio en la España rural. Madrid, 1975, p. 208.

⁴ Лагутина Е. И., Лачинский В. А. Страны Пиренейского полуострова. Л., 1977, с. 59.

⁵ Leal J. L. y otr. La agricultura en el desarrollo capitalista español (1940—1970). Madrid, 1977, p. 195.

⁶ España hoy. Madrid, 1974, p. 27.

«ослабляющим» давление на землю «избыточного» населения, появляющегося главным образом за счет естественного прироста.

Несколько иначе обстояло дело с батраками. Казалось бы, эти люди, жизнь которых была наименее обеспеченной и немалая часть которых к тому же могла рассчитывать на работу лишь в период сбора урожая, с рождением должны были быть ориентированы на отъезд из родных мест. И, однако, в большинстве своем они на это не решались, связывая все надежды на изменение своего положения с земельной реформой, т. е. с получением надела⁷. К 50-м годам стало окончательно ясно, что режим сохранит свою власть, а значит, такого рода надеждам сбыться не суждено. И огромная масса батраков (составлявших в 1950 г. половину сельского населения)⁸, сначала робко и неуверенно, а затем все с большей интенсивностью стала вовлекаться в движение исхода из деревни в город — на стройки, промышленные предприятия и т. д., причем с каждым годом все большая их часть окончательно оседала на новом месте. И значение экономических реформ конца 50-х годов, в социально-психологическом плане лишивших мелкую собственность на землю прежнего ореола в качестве гарантии стабильного существования, состоит в том, что с их помощью тенденция полного разрыва с деревенским миром не только укрепилась, но и стала доминирующей, а также распространилась на мелких землевладельцев. К уезжавшим батракам во все увеличивающемся количестве стали присоединяться мелкие собственники, и, по некоторым данным, уже в 60-е годы их миграция превысила батрацкую. Причем теперь она никак не укладывалась в рамки «традиционной», служившей стабилизации привычного социального порядка в испанской деревне. Почти не осталось желающих скопить денег на чужбине, чтобы купить по возвращении землю, хотя для этого было больше возможностей, чем раньше. Вновь связать свою жизнь с сельским хозяйством решались главным образом представители старших поколений⁹. Многим очевидцам казалось, что происходит настоящее обезлюдение сельских местностей.

На первый взгляд экономических причин вполне достаточно для объяснения этого явления. Действительно, помимо упомянутых правительственных мер, положение мелких земледельцев существенно осложнил «исход» батраков. Далеко не все оказались в состоянии компенсировать подорожавший наемный труд современной техникой, не говоря уже о том, что для ее рентабельного использования требовался определенный минимум земли (например, для трактора в центральной Испании — 50 га), которым большинство не располагало. И все же какая-то часть крестьянства сумела перейти на новые формы хозяйства, нередко путем объединения в кооперативы; описаны случаи, когда целые селения, пережив более или менее продолжительный трудный период, смогли, использовав конъюнктуру, существенно поднять уровень жизни своих обитателей. Но примечательно, что почти повсеместно в Испании — и в разоряющихся, и в более или менее благополучных хозяйствах — наблюдался один и тот же феномен: стремление сельских жителей, и в первую очередь молодежи, уйти в город¹⁰.

Дело в том, что собственно экономическая сторона становления современного капиталистического производства в деревне представляла собою лишь часть, — хотя и наиболее весомую и в значительной мере определяющую, — более широкого процесса, нередко называемого «модернизацией». Произошло коренное изменение соотношения двух основных укладов жизни — архаичного деревенского и промышленно-городского, причем, если раньше они бытовали как бы по соседству и первый из них даже в какой-то степени влиял на второй, навязывая ему свои

⁷ García Fernández J. La emigración exterior de España Barcelona, 1965, p. 226.

⁸ Leal J. L., y otr. Op. cit., p. 184.

⁹ Pascuals A. El retorno de los emigrantes. Barcelona, 1970, p. 151; Dessens A. L'Espagne et ses populations. Bruxelles, 1977, p. 121.

¹⁰ Braudes St. El impacto de la emigración en una aldea de los montes de Castilla.— In: Douglass W. A. y otr. Los aspectos cambiantes de la España rural. Barcelona, 1978, p. 57—58.

нормы и традиции¹¹, то теперь решительно доминировал индустриально-городской уклад. Последний вторгнулся в традиционную структуру, подвергая ее ломке, переработке в соответствии со своими потребностями. В стране возникал новый психологический климат. По мнению некоторых авторов, Испания и испанцы превращались в нечто совершенно иное, отличное от того, чем они были еще недавно; изменения 60—70-х годов нередко рассматриваются как, возможно, наиболее значительные для страны на протяжении нескольких веков¹². Этому не в последнюю очередь содействовала пропагандистская машина государства, в сравнительно короткий срок кардинально переориентировавшаяся. Ведь многие годы до тех пор идеологи франкизма настаивали на «особом характере испанской нации, якобы презирающей блага и цели материального прогресса и следующей на всем протяжении своей истории лишь трансцендентному императиву»¹³. Основой нации, ее «моральным позвоночником» провозглашалось крестьянство, традиционный быт которого идеализировался и всячески восхвалялся. Теперь же мелкий земледelec начал ощущать, что его игнорируют и, даже более того, что само существование его противоречит государственным интересам¹⁴. Радио- и телепередачи о деревенской жизни стали редки и по большей части негативны. Теперь пропагандировался с их помощью именно городской образ жизни, в самых ярких красках рисовалась эмиграция, рекламировались всякого рода промышленные товары, электрическая бытовая техника, не говоря уже о массовых формах профессиональной культуры, одежды и т. д. Эта пропаганда была тем более действенной, что количество радиоприемников и телевизоров за короткий срок увеличилось в десятки раз¹⁵; они появились в общественных местах и сделались необходимой принадлежностью кафе и таверн¹⁶, где по вечерам проводили свое время мужчины во многих уголках страны. Государство видело для себя выгоду в том, чтобы выманить как можно больше народу из деревни для работы в отечественной промышленности и за границей (не иссякала потребность в иностранной валюте, получаемой от эмигрантов).

Таким образом «модернизация» несла с собой не только упадок традиционного способа производства в сельском хозяйстве, но и дискредитацию всей связанной с ним культуры, ценности которой заменялись принципиально иными, порою противоположными. В сельскохозяйственных районах Кастилии, например, еще сравнительно недавно стабильное положение крестьянина — мелкого землевладельца считалось весьма достойным и противопоставлялось жалкой участи безземельного эмигранта, а всего несколько лет спустя земля уже рассматривалась как хлопотное бремя в сравнении с возможностью устроиться в городе, мобильность стала предпочитаться стабильности, статус мигранта оказался более престижным, чем статус крестьянина¹⁷, так что, например, брак с первым из них котировался выше, чем со вторым, и т. д. В северных и северо-восточных областях, где веками господствовал обычай единонаследия, т. е. передачи дома и земли лишь одному из детей, а обязанности последнего по отношению к родителям и менее удачливым братьям и сестрам гарантировались подписанием особого контракта (у каталонцев — *caritols matrimoniales*), ввиду чего брак наследника был здесь сугубо деловым предприятием в интересах семейной экономики, вся эта брачно-наследственная система в короткий срок буквально развалилась. Количество «брачных договоров» в сельской Каталонии со-

¹¹ *Hermet G. Les espagnols en France. Paris, 1967, p. 50.*

¹² *Maestre Alfonso J. Op. cit., p. 11.*

¹³ *Тертерян И. А. История начинается — история продолжается. — Вопросы литературы, 1978, № 6, с. 148.*

¹⁴ *Douglass W. A. Muchachas de servicio y pastores: emigración y continuidad en una aldea vasca. — In: Douglass W. A. y otr. Los aspectos cambiantes..., p. 96.*

¹⁵ *Испания..., с. 396.*

¹⁶ *Байо Э. Тяжкая доля испанки. М.: Прогресс, 1976, с. 106.*

¹⁷ *Perez-Diaz V. M. El proceso de cambio en las comunidades rurales castellanas. — In: Douglass W. A. y otr. Los aspectos cambiantes..., p. 230—231.*

кратилось до минимума, поскольку молодежь, равнодушная к «деревенскому наследству», которое связало бы ее с землей, отвергала «брак-делку» и заявляла о решимости «жениться по любви»¹⁸. Замкнутость сельских общин, поддерживавшаяся обычаем единонаследия, а также традицией, по которой преимущественным правом покупки земли пользовались родственники ее владельцев, также постепенно уходила в прошлое. Даже среди басков, обычаи которых ставили, казалось, совершенно непреодолимые преграды для «чужаков», все больше появлялось хозяев, не устоявших против искушения и продавших свои дома и земли богатым городским дельцам для строительства загородных вилл, гостиниц, пансионатов и т. д.¹⁹

Как странное и нелепое стало восприниматься большинством сельских жителей пристрастие к традиционной музыке и народным инструментам. Так, в деревнях Леона аккордеон и саксофон почти полностью вытеснили местную дульсайну (инструмент типа гобоя). Некогда почетная профессия дульсайнера оказалась на пороге гибели, так как музыкантам, пожилым людям, некому было передать свое искусство из-за негативного отношения молодежи; к тому же им самим пришлось в значительной степени сменить репертуар, а часто и инструмент²⁰. В работах нескольких авторов на основе изучения сельской действительности появился термин «социальная мимикрия» для обозначения стремления многих крестьян и батраков всеми средствами, и в первую очередь с помощью одежды, походить на горожан²¹.

Можно было бы привести десятки примеров, демонстрирующих проявления этого интересного и драматичного процесса, охватившего все без исключения области жизни испанских крестьян, но приходится ограничиться лишь теми его аспектами, которые более непосредственно связаны с собственно этническими процессами.

В этой связи обращают на себя внимание, помимо масштабов и субъективной цели, некоторые новые особенности миграций. Они распространились теперь на всю территорию страны, в то время как совсем недавно во многих местах отъезд из родного селения рассматривался как нечто исключительное и многие, даже неимущие батраки, готовы были скорее умереть с голоду, чем покинуть свои края²².

В самые короткие сроки произошло изменение «внешней» направленности миграционных потоков. Испанская эмиграция превратилась из «американской» в «европейскую». Уже в первые 4 года после ее начала (в 1959 г.) через Пиренеи только по официальным каналам отправилось 712 тыс. человек, что составило 80,9% всех покинувших страну за этот период²³. Необходимо учитывать и «неофициальную» эмиграцию, которая, по некоторым данным, превышала «официальную»²⁴. Особенность «европейской» эмиграции состояла в ее сравнительно непродолжительном — как правило, не дольше нескольких лет — сроке. Есть основания полагать, что многие бывшие крестьяне смотрели на работу по контракту в Европе как на возможность получить квалификацию и скопить средства, что позволило бы им по возвращении легче адаптироваться в городской среде своей страны.

В результате исторически сложившегося неравномерного распределения промышленности на территории Испании подавляющее большинство (свыше 90%) как внутренних мигрантов, так и тех, кто возвращался из эмиграции, направлялись в три зоны: Мадрид, Страну басков и

¹⁸ Hansen E. The Transformation of Family Structure in rural Catalonia.— In: Kulturvariation i Sydeuropa. København, 1973, p. 123.

¹⁹ Douglass W. The Basque Peasantry: closed or open?— In: Kulturvariation i Sydeuropa. København, 1973, p. 84.

²⁰ Davis M. The changing Role of the dulzainero in Leon, Spain.— Journal of American folklore. Austin, 1975, v. 88, № 349, p. 249—250.

²¹ Terceiro J. y otr. Problemas y soluciones de desarrollo económico de Galicia. Madrid, 1972, p. 22.

²² Gregory D. D. Migración y cambio demográfico en Andalucía.— In: Douglass W. y otr. Los aspectos cambiantes..., p. 154.

²³ García Fernández J. La emigración exterior de España. Barcelona, 1965, p. 29.

²⁴ Gregory D. D. Op. cit., p. 163.

Каталонию²⁵. Два последних района — коренные области обитания «малых народов» Испании, соответственно басков и каталонцев — и прежде были местами межэтнических контактов, поскольку их индустриальный, передовой в сравнении с остальной частью страны характер окончательно определился еще в прошлом веке. Но в 60-е годы эти районы были буквально затоплены бывшими батраками и крестьянами, большая часть которых прибывала из южных и центральных, т. е. испаноязычных, областей страны²⁶.

В контактах местных жителей с приезжими в новых условиях обращает на себя внимание одна их существенно важная особенность. Разрыв мигрантов с исчезающим сельским «традиционным» миром требовал приспособления к другой среде, включения их в новую «городскую» культуру, с соответствующими ей моделями производства и быта. Но в том случае, если «принимающий» этнос имел свой «город» в широком смысле этого слова («свои» классы, связанные с крупным машинным производством, «свою» интеллигенцию — творца профессиональной культуры — и т. д., иначе говоря, «свой» вариант «индустриальной культуры»), эта адаптация, к которой бывший крестьянин был материально и психологически подготовлен всем ходом событий еще у себя на родине, с необходимостью должна была означать, в ее полном варианте, ассимиляцию (соответственно «каталонизацию» или «баскизацию») или, во всяком случае, тенденцию к ней, которая оказывалась тем сильнее, чем всесторонней было воздействие местной культуры и языка, позиции которых были сильно подорваны за время правления франкистов, которые отменили все национальные завоевания «малых народов» Испании. Сурово преследовалось (особенно в первые годы после гражданской войны) употребление галисийского, баскского и каталанского языков, изгнанных из школьного обучения, средств массовой информации, делопроизводства и т. д. Особенно трудным оказалось положение баскского языка, географический ареал которого уже на протяжении длительного времени неуклонно сокращался, а некоторые слои баскского общества были равнодушны к национальному движению или даже враждебны ему. Иначе обстояли дела в Каталонии, где каталанский язык продолжал оставаться средством неофициального общения для подавляющего большинства коренных жителей.

С конца 1950-х годов в среде «малых народов» Испании начинается подъем национального движения, принявший кое-где весьма радикальные формы и повсеместно выразившийся в увеличении интереса к собственной этнической истории и культуре, культивировании местных языков, возрождении традиции и этнополитической символики, проведении национальных праздников и манифестаций и т. д. Национальное возрождение распространилось и на те категории и группы местного населения, которые прежде не проявляли интереса к своей этнической специфике. В укреплении этнической самобытности национальных окраин, по-видимому, сыграл роль целый ряд факторов, порожденных «модернизацией». Во-первых, трудности, которые испытали мелкие производство и торговля в связи с перестройкой экономики на началах капиталистической «рентабельности», усилили недовольство мадридским правительством, в котором видели основного виновника всех бедствий. Это недовольство, в силу политически подчиненного положения Страны басков и Каталонии, неизбежно должно было принять форму национально-го протеста.

Во-вторых, наплыв массы испаноязычных «чужаков» порождал стремление сохранить свое этническое лицо, избежать растворения, а

²⁵ *Hermet G. Le problème méridional de l'Espagne. Paris, 1965.*

²⁶ Начиная с 1960 г., по некоторым сведениям, в Стране басков ежегодно оседало около 25 тыс. приезжих (*Salvi S. Le nazioni proibite. Firenze, 1973, p. 281*). Возможно, что их число было еще большим. По данным газеты «*El país*» (11.3.1980, p. 11), относящимся к концу 70-х годов, около 60% населения одной из баскских провинций — Алавы — родилось за пределами Страны басков. Еще более значительным оказался наплыв в Каталонию, в некоторых районах которой приезжие даже составили основную часть населения (*Treball, 18.3.1980, p. 6*).

это вольно или невольно толкало к подчеркиванию самобытных черт культуры, усиливало этническое самосознание. Видимо, к тому же результату приводило и исчезновение — под действием общих для всей страны процессов — тех элементов этнической культуры, которые были законсервированы в традиционном деревенском укладе национальных окраин.

В-третьих, стремясь сблизиться со странами «Общего рынка», правящие круги были вынуждены идти на некоторые уступки национальным требованиям — разумеется, почти исключительно в сфере культуры. Но и это было немаловажно, способствовало распространению движения вширь и вглубь.

Усиление этнического самосознания коренных обитателей Страны басков и Каталонии не могло, разумеется, компенсировать официально непризнания баскского и каталанского языков. Но интересно, что естественная тенденция мигрантов-переселенцев к культурно-языковому сближению с «туземной» общиной была настолько сильна, что ее действие проявлялось, несмотря на целый ряд крайне неблагоприятных факторов, хотя в разных местах и по-разному. В одних случаях она порождала постепенную смену языка и этнокультурной ориентации вплоть до отказа в конечном счете от прежнего «этнического лица» в пользу нового. В процессы подобного рода оказались вовлеченными многие мигранты на территории Каталонии, причем при особо благоприятных обстоятельствах ассимиляция завершалась уже в первом поколении. В других случаях, характерных также для Каталонии, но в еще большей степени для Страны басков, где описанное выше течение событий представлялось до недавнего времени сравнительно редким, формировалась установка на интеграцию, о которой можно судить, в частности, по результатам опросов общественного мнения. В ходе этих опросов, проводившихся еще при Франко, подавляющее большинство некоренного населения как Каталонии, так и Страны басков высказалось за то, чтобы им самим и их детям была предоставлена возможность изучать соответственно каталанский и баскский языки²⁷ (следует помнить, что речь шла о языках, не имевших официального статуса). Косвенно о существовании такой установки свидетельствуют и выборы в «национальных областях» во второй половине 70-х годов, на которых последовательно увеличивавшаяся часть мигрантов-приезжих голосовала за местные националистические партии²⁸.

Такое положение, при котором, вопреки официальной доктрине (до середины 70-х годов), весь ход общественного развития подталкивал к ассимиляции представителей не угнетенных этносов, а, напротив, господствующего, свидетельствует об изменении роли и характера межэтнических, да и вообще внешних, контактов в жизни населения Испании, в особенности сельского. До 50-х годов страна оставалась настоящей мозаикой традиций, обычаев, нравов, форм материальной культуры, типов социальных отношений. Видимо, иначе быть и не могло. Слабое развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, где была занята значительная часть населения, обусловило преобладание там «традиционного» уклада. А это означало хозяйственные, социальные и культурно-бытовые различия отдельных групп сельского населения, большую или меньшую их замкнутость. Город сравнительно слабо влиял на деревню, а отдельные регионы — друг на друга. Контакты представителей разных укладов, этнических и региональных групп могли быть довольно многочисленными, а в ряде случаев систематическими, но последствия их не были сколько-нибудь значительными. Заимствование отдельных элементов — будь то в одежде, интерьере или даже форме жилища — не затрагивало основы образа жизни. Ориентация многих мигрантов, живших и работавших в промышленных районах, на возвращение в родные места усиливала их отчужденность от той среды, где они временно жили, и ограничивала ее влияние на них.

²⁷ См., например, Triunfo, 1976, № 685, p. 31.

²⁸ Treball, 13.3.1980, p. 9; Tiempo de Historia, año VI, № 62, 1980, p. 57.

В 60-е годы резко усилилась роль внешнего фактора этнокультурного развития. Образцами для подражания оказались носители городской культуры, даже если они принадлежали к неполноправным этническим меньшинствам. Особо следует отметить иностранный туризм, именно в это время принявший столь широкие масштабы, что уже в конце десятилетия по доходам от него Испания вышла на первое место в мире, а общее ежегодное количество туристов в стране вскоре приблизилось к численности ее населения. Их воздействие на испанцев оценивается некоторыми авторами явно преувеличенно, так что именно ему они отдают приоритет в происходящих процессах, считая, что «лавина туристов изменила мышление испанцев»²⁹. Но не следует забывать о том, что настороженность и даже ненависть к иностранцам, представления о своем духовном над ними превосходстве и вообще противопоставление «здорового испанского» и «вредоносного чужеземного» культивировались здесь не только в самые мрачные годы франкистской диктатуры, но и в течение многих столетий до этого. И лишь критический пересмотр прежних «традиционных» ценностей, в том числе представлений о соотношении испанского и чужеродного, об истинных и ложных достоинствах личности, привел к тому, что на множество людей из казавшегося совсем недавно чуждым и опасным «внешнего мира», людей разных национальностей и религий, говоривших на разных языках, стали смотреть как на представителей того нового для местных жителей уклада, который для них был еще трудно достижимым, и с этой точки зрения оценивать внешний облик и поведение иностранных туристов. При этом речь шла не только о прямых заимствованиях. Например, испанцы, участвовавшие в традиционных праздниках и обрядах, понимали, что туристы-зрители рассматривали происходившее как экзотические пережитки, интересные именно своей архаичностью. Какие-то группы населения начинали в связи с этим эксплуатировать отдельные элементы культуры предков, именно в расчете на получение доходов от притока туристов. Таковы в ряде случаев народные или псевдонародные сувенирные промыслы, иногда — возрождение народного костюма³⁰, всякого рода фольклорные группы, выступавшие на празднествах, в которых когда-то принимало участие все население, и т. д. Зато большинство деревенских жителей, в особенности молодежь, из-за нежелания «выглядеть дикарями» в глазах многочисленных приезжих лишь укреплялись в стремлении порвать с традиционной культурой.

Качественно новым моментом в межэтнических отношениях в стране можно, видимо, считать и внутреннюю миграцию галисийцев. Правда, необеспеченность существования и раньше рождала необходимость искать работы за пределами Галисии; и еще с XVI в. каждый год десятки тысяч людей отправлялись на сезонные полевые работы, главным образом в центральную Испанию и в Португалию³¹. XIX век открыл новый путь — американский. Начиная примерно с середины столетия доля галисийцев в испанской эмиграции ряда стран Америки (Кубы, Уругвая, Аргентины) возросла до 40—70%, а словом «гальего» (галиснец) там даже стали обозначать испанских эмигрантов вообще. Вплоть до конца 50-х годов XX в. картина существенно не изменилась, и с 1911 по 1965 г. за море выехали 1165 тыс. галисийцев³².

Распространение «модернизации» на Галисию резко сократило традиционную американскую эмиграцию. В начале 60-х годов галисийцы уже составляли большинство «временных» испанских эмигрантов в Швейцарии, 1/3 в ФРГ³³ и т. д. В силу слабого развития индустрии Галисии мигранты из этой области стали частью многотысячной армии бывших крестьян, окончательно оседавших в промышленных городах Испании, по преимуществу за пределами своей «малой родины». Судя

²⁹ Robert A. España en la Europa del año 2000. Madrid, 1973, p. 36.

³⁰ El folklore español. Madrid, 1968, p. 28.

³¹ Los gallegos. Madrid, 1976, p. 512.

³² Los gallegos. Madrid, 1976, p. 517.

³³ Sorel A. 4º mundo. Emigración española en Europa. Madrid, 1974, p. 78, 145.

по всему, перед ними вставали те же проблемы адаптации к новой социально- и этнокультурной среде, что и перед уроженцами других сельскохозяйственных районов Испании. Вот как — несколько меланхолично — описывает известный каталонский автор своих соседей-галисийцев: «Они собираются на углу в баре и говорят о футболе по-галисийски. Но не мечтают вернуться на родину... По-галисийски говорят по привычке, а не из патриотизма, и, боюсь, скоро совсем забудут свой язык, который дети их уже не будут знать»³⁴.

Разумеется, признание общей направленности происходящих процессов для всей обширной категории жителей деревни, порывающих связи с традиционным сельским хозяйством, отнюдь не означает утверждения об идентичности форм, в которых протекают эти процессы. Выше уже шла речь о том, что условия среды «принимающего» общества могут и благоприятствовать ассимиляции, и тормозить ее, и даже сводить практически на нет, сохраняя лишь в тенденции. Наряду с этим существует зависимость как от индивидуальных — возрастных, половых, психологических и др., — так и от групповых, и в первую очередь региональных, особенностей переселенцев (в социально-классовом отношении подавляющее их большинство сравнительно однородно).

Существенные изменения в новых условиях претерпела и региональная проблема. К середине 1970-х годов страна подразделялась на 15 регионов, или «исторических областей», границы которых, как правило, не совпадали с этнолингвистическими. Немалая часть исследователей до последнего времени полагала, что культурно-этнографический облик жителей страны определяется регионами их обитания. «Нельзя объединять все население Испании (кроме галисийцев, басков и каталонцев) в один народ, исходя лишь из языкового единства»³⁵. В ряде областей исторически сформировавшейся самобытности соответствовало столь отчетливое «региональное» самосознание, что их население можно было отнести к «этническим группам» внутри испанского народа. Это относилось не только к испаноязычному, но и к баскскому и каталанскому историко-языковым ареалам, где немалая часть населения не отождествляла себя с доминирующими в каждом из ареалов областями — соответственно Страной басков и собственно Каталонией.

Трансформации рубежа 50—60-х годов, несмотря на то что в разных частях страны они проходили весьма неравномерно, в целом способствовали нивелировке образа жизни, быта и представлений в пределах одних и тех же социальных классов и слоев населения по всей Испании, независимо от области обитания, по одним и тем же образцам. У жителей разных провинций сближались и даже становились идентичными проблемы, и решали они эти проблемы в новых условиях примерно одинаково. Эмиграция за границу тоже как будто укрепляла «испанское единство», так как в странах испанской иммиграции все уроженцы Испании рассматривались обычно как национально однородная группа. Процессы ассимиляции, в ходе которых особенно дают себя почувствовать региональные различия, здесь исключались, поскольку срок контракта ограничивался несколькими годами; невелики были и возможности социально-профессионального роста. Напротив, общие условия труда и быта, одинаковые задачи как бы уравнивали и роднили эмигрантов независимо от их регионального происхождения. И при опросах национальной принадлежности, проводившихся за границей, выходцы из испаноязычного ареала страны, как правило, относили себя к испанцам, не подчеркивая регионального происхождения³⁶.

То значение границ исторических областей, которое подразумевало различия в хозяйстве, социальной структуре, этнографических особенностях их населения, постепенно уменьшалось. Наблюдатели, например, отмечали, что андалусийские буржуа отказывались в своем быту от ме-

³⁴ *Candel F.* Algo mas sobre los otros catalanes. Barcelona, 1973, p. 66.

³⁵ *Carretero y Jimenez A.* La personalidad de Castilla en el conjunto de los pueblos hispanicos. Mexico, 1960, p. 109.

³⁶ *Hermet G.* Les espagnols en France, p. 199.

стных, развитых и глубоких, традиций. Интерьеры их жилищ оформлялись по «европейским» и «кастильским» образцам. Эти люди обнаруживали негативное отношение к прославленной андалусийской культуре «фламенко». В Андалусии изменилась даже кухня — один из наиболее консервативных элементов культуры, и в новых тавернах и барах почти перестали подавать блюда, приготовленные по местным рецептам³⁷.

Но интересно, что именно в это время отмечен рост центробежных тенденций. Так, по аналогии с движением за возрождение национальных языков среди басков, каталонцев и галисийцев заявила о себе деятельность активистов «астурийского возрождения», потребовавших для своего «бáбле», давно уже низведенного до уровня «патуа» (семейного, домашнего языка жителей сельских районов области), равноправного положения с кастильским языком³⁸. К середине 70-х годов некоторые местные газеты уже печатали целые страницы на «бáбле», а организация «Conseyu bable» («Совет бáбле») боролась как за нормализацию и унификацию этого языка, так и за восстановление его престижа и влияния среди населения Астурии³⁹.

Нечто сходное произошло и в Арагоне, где интерес к местному «патуа» — арагонéсу (aragones) — пробудился в городской среде как раз тогда, когда на нем говорило не более 8—10 тыс. крестьян и «никто уже не верил, что арагонес переживет хотя бы одно поколение»⁴⁰. Обучение посредством радио и прессы, выход книг и журнала «Repaxadura» («Возрождение») на арагонском языке, создание «Consello d'a fabla aragonesa» («Совета арагонского языка»), аналогично астурийскому «Conseyu») отразили попытку превратить угасающее наречие в полноценный и полноправный язык.

По мере активизации классово-политической борьбы в Испании на страницах газет и журналов все чаще стали упоминаться названия исторических областей. В ряде случаев именно в их рамках происходило объединение оппозиционных сил, вырабатывавших общую платформу в 70-е годы. Почти все политические партии высказались за предоставление автономии историческим областям. Возникли и чисто региональные партии, у которых оказались десятки и даже сотни тысяч сторонников.

Это явление можно было бы объяснить специфическими условиями Испании, где длительное историческое развитие породило традицию обособленности, а большие, чем прежде, возможности политической деятельности использовались для активизации сторонниками этой традиции. Но и время подъема движения, и его быстрое распространение практически на всю страну, и требования участников указывают на связь с «модернизацией». Действительно, последняя, устраняя различия между областями по одним показателям, одновременно усиливала их по другим, а значительное увеличение объема информации дало возможность каждому жителю Испании оценить уровень развития своей области, сравнить аналогичные параметры по разным регионам страны и сделать вывод о необходимости борьбы за решение областных социально-экономических проблем, достижение равенства своей «малой родины» с остальными регионами. В условиях, когда обособленность региональных групп продолжает поддерживаться различием их социально-экономического и административно-политического положения, устранение связанных с традиционным укладом специфических особенностей вызывает стремление компенсировать себя за счет культивирования других. В том случае, когда базой этнических и этнографических отличий той или иной общности является село, а собственный «городской сектор» почти или полностью отсутствует (именно так обстоит дело почти повсюду в испаноязычном ареале), ей приходится принимать модерниза-

³⁷ *Checa A.* Cuatro ensayos sobre prensa y una llamada para andaluces. Granada, 1974, p. 154, 160.

³⁸ Triunfo, 1976, № 687, p. 48.

³⁹ Cambio 16, 1976, № 214, p. 44.

⁴⁰ Cambio 16, 1976, № 261, p. 49.

цию в чужом, в данном случае испанском (кастильском) варианте. Именно поэтому деятельность по возрождению местных языков или диалектов принимает характер «борьбы за город», т. е. за распространение их среди всех слоев населения индустриального общества, а одновременно за их развитие, обогащение и модернизацию, с тем, чтобы эти возрождающиеся языки оказались на уровне потребностей сегодняшнего дня и реально могли конкурировать с кастильским языком. С этим связана довольно интересная особенность регионализма в новых условиях. Уже отмечено, что региональный вопрос возникает на поверхности политической жизни Испании каждый раз, когда страна переживает наиболее острые моменты своей истории. Так произошло и теперь, когда эпоха быстрого индустриального и социального развития пришла на смену долгому периоду стагнации и «лемех времени как будто выворачивает наружу скрытые и дотоле недвижимые пласты общественного массива»⁴¹. Но явно в большей степени, чем прежде, видна тенденция к «этнизации» региональных движений. Возможно, она вызвана стремлением представить их более значительными в глазах правительства и общественного мнения, поскольку регионализм выглядит менее авторитетным, нежели национализм, при обосновании политических, экономических и других требований. Широко бытующее мнение о том, что «наличие или отсутствие своего языка проводит четкую границу между национализмом и регионализмом»⁴², явно вдохновляет регионалистов даже там, где о существовании собственных самостоятельных языков говорить не приходится. Так, в Андалусии стало расти число сторонников защиты местных андалусийских форм произношения, считавшихся еще недавно признаком бескультурья. Их «легализация», без сомнения, могла бы быть немаловажным аргументом в разгоревшихся спорах о том, является ли андалусийская региональная общность народностью⁴³. Нечто сходное происходило в Валенсии, где противники «панкаталанизма» доказывали самобытность «валенсиано», отказываясь признавать его диалектом каталанского языка⁴⁴.

Правда, о сколько-нибудь значительных успехах движений этого рода говорить пока еще рано. Так, хотя сторонники введения астурийского «габле» в школьное обучение и собрали около 30 тыс. подписей уроженцев этой области в свою поддержку, они сетовали на то, что астурийская буржуазия совершенно индифферентна к их призывам и ориентируется на модели и образцы своих кастильских «братьев по классу»⁴⁵.

Время покажет, насколько долгосрочным и мощным окажется «регионалистский подъем» 60—70-х годов. Однако уже сейчас очевидно его значение по крайней мере в двух аспектах. Во-первых, для этнокультурного облика собственно испанского народа, ибо, несмотря на то что испанская нация сложилась еще в прошлом веке, даже в середине 70-х годов нынешнего столетия видный испанский этнограф Кармело Лисон Толосана подчеркивал, что «национальному единству мешает мозаика составляющих частей»⁴⁶. Во-вторых, для взаимоотношений выходцев из испаноязычного ареала с коренными жителями Басконии и Каталонии, где усиление этнорегионального самосознания мигрантов может сыграть роль тормоза в инкорпорации в новую среду или ассимиляции ею. Во всяком случае, именно как фактор, способствующий отчуждению двух общин, оценивается некоторыми наблюдателями относительный успех регионалистской Социалистической партии Андалусии на выборах в парламент Каталонии среди живущих здесь андалусийцев.

Итак, в испанском случае мы встречаемся с довольно любопытной ситуацией. Деятельность правящих кругов, направленная на полную централизацию страны, и в частности на ее этнополитическую унификацию

⁴¹ Тертерян И. А. Указ. раб., с. 159.

⁴² *Heraud G. Peuples et langues d'Europe.* Paris — Milano, 1966, p. 52.

⁴³ *Gispert C., Prats J. Op. cit., p. 177.*

⁴⁴ *La Calle, № 136, 1980, p. 9.*

⁴⁵ *Checa A. Op. cit., p. 160.*

⁴⁶ *Lisón Tolosana C. Ensayos de antropologia social.* Madrid, 1973, p. 81.

с помощью различных мер, включавших и насильственную ассимиляцию этнически самобытных окраин, оказалась обреченной на неудачу, в чем первоочередную роль сыграла сама же социально-экономическая политика государства. Существование до конца 50-х годов сельского хозяйства в его традиционных формах означало сохранение множества специфических для различных регионов и групп черт, в том числе этнических и языковых. Но и разрушение традиционного уклада под натиском «модернизации» не только отнюдь не облегчило «кастилизацию», но и привело, с одной стороны, к повсеместному этнорегиональному подъему, а с другой — к усилению ассимилирующей тенденции в промышленно развитых областях «малых народов» по отношению к испаноязычным мигрантам, что решительно противоречило господствовавшим великодержавным догмам. Именно как приведение официальной политической линии в соответствие с очевидной логикой общественного развития выглядит проведение в жизнь с конца 70-х годов конституционных положений о предоставлении автономии отдельным регионам страны.

Рассматривая события в Испании в последнее двадцатилетие, очень легко их переоценить, оказавшись под влиянием очевидцев, потрясенных происходящими изменениями. Так, проблема земельной реформы и безработицы в сельском хозяйстве, казалось бы, своеобразно «решенная» ориентацией сельского населения на отъезд в промышленные города, вновь обострилась в последние годы в ряде местностей, в частности на все том же латифундистском Юге, видимо, не в последнюю очередь в связи с индустриальным кризисом, охватившим Испанию наряду с другими западноевропейскими странами. Эта проблема по-прежнему актуальна для тех людей, — а их все еще немало, — которые не хотят или не могут покинуть родные места. Но, видимо, еще более досадной ошибкой было бы недооценить значение свершившихся трансформаций. Истекшее двадцатилетие с несомненностью означало для Испании качественно новый этап как ее социально-экономической и политической истории, так и этнического развития ее населения. Одни факторы исчезли, значение других многократно возросло, третьи возникли вновь. Но главная специфика этого развития состоит в резкой интенсификации как этноэволюционных, так и этнотрансформационных⁴⁷ процессов. Одновременно четко проявилась тесная связь этнических процессов с «внеэтническими». Например, повсеместное появление новой «референтной группы»⁴⁸ — лиц, живущих укладом современного индустриального города, — безусловно повлияло, помимо прочего, на межэтнические контакты в районах сосредоточения внутренних мигрантов. С другой стороны, с тех пор, как ввиду мощного подъема национального движения практически все политические партии Испании заняли ту или иную позицию в национальном вопросе, политические симпатии или партийная принадлежность нередко обуславливают «этническое самоопределение» отдельных личностей, что, однако, не следует считать фактором, нарушающим «нормальное» течение этнических процессов и затрудняющим их верное понимание, а лишь любопытной особенностью этих процессов в нынешней Испании.

⁴⁷ Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов.— В сб.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 5.

⁴⁸ Богина Ш. А. Иммигрантское население США. Л.: Наука, 1976, с. 230.